

Мария

I

Разве не удивительно, как одно событие — мгновение — с хирургической точностью может рассечь жизнь надвое, искалечить и навеки разделить «сейчас» и «тогда»?

В субботу, шестнадцатого декабря двухтысячного года, моя жизнь бесповоротно изменилась. В тот день моя семья оказалась втянута в водоворот событий, ход которых был не просто неподвластен никому из нас — события эти были просто непостижимы.

Все началось именно тогда.

* * *

Когда в темноте раздался звонок телефона, я мгновенно и окончательно проснулась. Грета на цыпочках пробежала в кухню, чтобы взять трубку. Она что-то приглушенно пробормотала, потом вернулась и бережно похлопала меня по плечу:

— Мария, это Самир. Тебе лучше подойти.

Я кое-как выпуталась из влажной простыни и наощупь принялась искать выход из незнакомой комнаты. Холодный воздух струился из плохо законопаченной оконной рамы, напоминая о том, что на дворе стоял декабрь, а мы были на шхерах, в дачном домике, который, откровенно говоря, был летним.

Когда я, шлепая босыми пятками по холодному и влажному полу, добралась до кухни, сердце забилось чаще. Всего несколько часов назад мы сидели здесь и смеялись. Делились секретами, подводили итоги прошедшего года, констатировали, как глупо было год назад, в декабре тысяча девятьсот девяносто девятого, переживать о том, что мир — цифровой мир по крайней мере — на стыке двух тысячелетий внезапно рухнет.

Мы обсуждали новые фильмы — «Ноттинг Хилл» (очень понравился Грете, она предпочитает хеппи-энды) и «Матрицу» (Киану Ривз просто невероятно привлекателен, хоть и выглядит юнцом).

Теперь остатки вчерашнего девичника горами высились на разделочном столе: грязные тарелки, винные бокалы, блюда с чипсами и оливками. Пустые винные бутылки, ополовиненные бутылки, разбросанные бутылки и куча креветочных панцирей, уже начинавшие пахнуть. Где-то потрескивал обогреватель, регулятор которого был выкручен на максимум, чтобы прогнать зимнюю стужу.

Я протянула руку за трубкой, которая лежала рядом с наполовину заполненной пепельницей.

— Самир?

Само собой, в голове у меня была лишь одна мысль: мой сын. Потому что, хоть Винсент болел редко, этой осенью он уже успел свалиться с пневмонией, и чтобы встать на ноги, ему пришлось пропить два курса антибиотиков. А вчера перед моим отъездом он снова закашлял: резкие, хриплые звуки напоминали собачий лай, а ведь малышом он частенько подхватывал круп.

Если честно, наверное, помимо прочего, мне было сложновато оставлять его дома одного с Самиром и Ясмин. Почти всю жизнь Винсента мы были только вдвоем — тесно спаянное, органичное сообщество, в которое, как мне казалось, мы никогда никого другого не примем.

В трубке раздалось тяжелое дыхание Самира. Он всхлипнул и тут же сделал это снова.

Я покосилась на кухонные часы. Теперь мне стало по-настоящему не по себе. Что бы там ни случилось, ничего хорошего это не сулило. В четыре часа утра не звонят спросить, как дела. В такое время звонят только если случилось что-то в самом деле серьезное.

— Ты нужно приехать, — произнес он на ломаном шведском, который я полюбила с той секунды, как он раскрыл рот и впервые заговорил со мной. — Это... Ямин. Она...

Снова всхлипывания.

Моей немедленной реакцией было облегчение: Винсент ни при чем, дело в Ямин, дочке Самира. В следующее мгновение я пришла в себя и устыдилась: а вдруг с ней что-то произошло, а я стою здесь довольная, словно ее благополучие меня вообще не волнует.

У меня за спиной заскрипели деревянные половицы и раздались шаги. В следующее мгновение рука Греты опустилась на мое плечо.

— Мария, что там?

Я замотала головой и отошла от нее на несколько шагов.

— Самир, что произошло?

— Она, она...

— Успокойся.

Но Самир не мог успокоиться. Его всхлипывания переросли в вой, а через пару мгновений в трубке раздался чужой голос. Незнакомец мрачным, а возможно, просто формальным тоном поинтересовался, может ли он поговорить с Марией Фоукара. Когда я подтвердила, что слушаю, он представился. Это был полицейский.

— Речь о вашей дочери, Ямин. Мы опасаемся, что она могла попытаться свести счеты с жизнью.

* * *

А потом?

Помню, что разговаривала с Гретой, и несколько других девушек тоже проснулись и вышли к нам. Помню, что Юханна помогала мне одеться, как маленькой: натянула на ноги колготки, через голову надела толстый свитер, пару раз провела расческой по волосам. Должно быть, они сверились с расписанием — чтобы убедиться, что катера начнут ходить лишь через несколько часов. Потом кто-то — Грета, кажется, — стал обзванивать местных жителей, потому что следующее мое воспоминание — это как мы втроем с Гретой и Юханной по сосновому бору пробираемся к пристани.

Декабрь — самый темный месяц в году.

Настоящего солнечного света почти не бывает даже днем, а ночи — темнее дегтя. Такой вот ночью мы и пробирались по лесу, вдалеке от человеческого жилья, с трудом различая что-либо на расстоянии вытянутой руки. Тьма казалась такой плотной, что ее почти можно было потрогать. Гигантское ничто обступило нас стеной, вызывая ощущение нереальности происходящего. Единственным, что оставалось в мире настоящего, были островки леса и ветки черничника, то и дело возникавшие в конусе света перед нами. У Греты с собой был большой фонарь. Такая тяжелая, несуразная вещь, от одного вида которой начинают ныть руки. Никто не произнес ни слова. Я слышала лишь хруст мерзлой земли у нас под ногами, мое собственное дыхание, да еще ветер, который завывал где-то высоко, в верхушках сосен.

На пристани в катере уже ждал мужчина — не помню его имени, — чтобы отвезти меня в зимнюю гавань Ставнес, где я оставила машину.

— Ты уверена, что тебе можно за руль? — спросила Грета.

Я кивнула. Вечером я выпила меньше всех. С тех пор, как встретила Самира, алкоголь меня не слишком привлекал.

Крепко обняв Грету с Юханной, я забралась в лодку и надела спасательный жилет. Тот был грязным и потрепанным, но, по крайней мере, помогал сохранять тепло.

Затем мы покинули остров.

* * *

Ясмин была мне не дочерью, а падчерицей. Или теперь используют другой термин? «Бонусный ребенок» звучит приятнее, примерно как выигрыш в лотерею. Бог мне свидетель, да только Ясмин никаким джек-потом не была. Ничего ужасного, просто она безответственна, импульсивна, безгранично наивна и еще вечно собирала все возможные проблемы. Но ведь в восемнадцать это так естественно, и вряд ли стоило ее винить. Наверное, единственные в мире люди, способные каждую секунду любить подростка, — его мама и папа. Им потом и кровью достаются терпение и снисходительность ко всем его капризам и ошибкам.

Только вот я не была ее мамой.

Конечно, я любила Ясмин, но вряд ли так же сильно, как Винсента.

Моему сыну тогда было десять, и ради него я пошла бы на смерть. Для меня этот простой и в то же время удивительный факт — лучшее определение родительства. Во всех случаях ставить благо своего ребенка превыше собственного.

С отцом Винсента — Брайаном — меня не связывали долгие отношения. Когда я узнала о том, что жду ребенка, он, распивав свое барахло в три пакета и гитарный футляр, испарился быстрее, чем я успела произнести слово «опека». Брайан, двадцатичетырехлетний ирландский музыкант, не имел ни малейшего желания строить семью

с тридцатилетней училкой с периферии, которую, к тому же, едва знал.

Я не могу его за это винить — кто же захочет заводить ребенка с незнакомцем?

Ну я, например. Мне было практически не важно, с кем. Мне не было дела до Брайана, Винсент — вот все, что было мне нужно. Но в тот конкретный момент, конечно, речь шла просто о *ребенке*. Когда же Винсент родился и оказалось, что у моего желанного малыша не две, а целых три хромосомы в двадцать первой паре, я только сильнее уверилась в том, как прекрасно, что переменная Брайана исчезла из нашего уравнения.

Синдром Дауна.

Конечно, поначалу известие об этом повергло меня в шок. Я так многого не знала, несмотря на то, что детей с синдромом встречала еще во время учебы, и считала себя свободной от предрассудков и компетентной в вопросах функциональной вариативности, как теперь говорят. Я представляла себе, что он никогда не заговорит, не сможет пойти в обычную школу. Я представляла картины, в которых свою взрослую жизнь Винсент проводит в стенах различных учреждений, неспособный найти работу и устроить личную жизнь.

И в то же время, когда этот маленький теплый комочек лежал в моих объятиях и я глядела на него — на его крошечные ладошки, на сморщенное личико, когда я заглядывала в его глазки, то твердо знала, что он прекрасен. Он — мое дитя, мое прекрасное дитя, что бы там ни говорили врачи. А они говорили много, практически непрерывно, просвещая меня обо всех гипотетических проблемах Винсента.

В тот момент мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь из них поздравил меня. Хоть один. Чтобы нашелся хоть один человек, который сказал бы мне, как замечательно и здорово все сложится.

Но все это сейчас кажется таким далеким. Далеким и почти что нелепым. Прошло десять лет, и само собой, без проблем не обошлось: грудное вскармливание превратилось в сущий ад, по крайней мере, поначалу, и мне пришлось надолго остаться в больнице. Винсент пережил операцию на сердце по ушиванию отверстия между левым и правым желудочками в возрасте всего нескольких месяцев. Ходить он начал позже сверстников. Рано стал заниматься развитием речи с логопедом, и в какой-то период мне даже пришлось изучать язык жестов, чтобы облегчить наше общение. Но слова пришли к нему, они полились потоком, который больше был похож на водопад. Поначалу было сложновато его понять — слова выходили медленно, неуклюже. Его маленькому роту было непривычно их произносить. Но со временем речь Винсента становилась все более четкой.

Он также научился читать и писать, просто для этого потребовалось чуть больше времени, даже пошел в обычную школу и посещал ее в компании помощницы. У него есть мечты, страхи и надежды, но самое главное — у него есть личность, его не спутаешь со всеми другими людьми, кому выпало иметь лишнюю хромосому.

Каким был тогда Винсент?

Ему нравилось печь и готовить еду, на кухне он вел себя весьма ответственно. И не только на кухне, кстати говоря. В семье он оказался единственным, у кого была природная потребность поддерживать порядок. Нам с Самиром это не особенно удавалось, а Ясмин — та вообще проносилась по дому подобно торнадо, оставляя за собой кучи мусора, ворох одежды и валяющиеся повсюду тюбики с косметикой.

Винсент любил животных и мечтал о собственной собаке. Мечтал и канючил, но память о его предыдущем питомце — хомяке — и о травме, которую нанесла смерть жалкого грызуна, заставляла меня колебаться. Ну и масса

других вещей, конечно. К примеру, кто стал бы присматривать за собакой днем? Мы с Самиром оба работали полный день, а Ясмин ходила в гимназию. К тому же в таких вопросах на нее совершенно нельзя было положиться.

Винсент любил рисовать и делал это хорошо — гораздо лучше, чем я. Его искрящиеся всеми цветами картинки я вешала на стену в кухне, и очень скоро там совсем не осталось свободного места. Он был упрям как осел и всегда настаивал, чтобы все было по справедливости. Именно это качество время от времени создавало ему проблемы в школе. Если Винсент считал, что кто-то поступил с ним плохо или несправедливо, он просто отказывался разговаривать с таким человеком, и длиться это могло месяцами. Однако он никогда полностью не закрывался — его потребность в общении была постоянна: если Винсент переставал общаться с кем-то одним, он компенсировал это более интенсивным взаимодействием с другими товарищами.

Обычно я убеждала себя, что в дальнейшей жизни упрямство должно сослужить ему хорошую службу. Это ведь ресурс, а для Винсента, которому беспрерывно приходилось сталкиваться с предрассудками в собственном окружении, такое качество, как мне казалось, было просто бесценно. Ведь проблема заключалась не в Винсенте, а в отношении мира к нему. И всякий раз, с тревогой вглядываясь в его будущее, я думала именно о том, как отнесутся к нему другие люди — все те, кому посчастливилось иметь исправный хромосомный набор. Те, кто косо на него смотрел, а за глаза называл дауном. Или еще хуже — те, кто говорил так, *зная*, что Винсент все слышит.

Винсент, помимо прочего, обладал развитой интуицией. Он мог словно... принюхаться к чужим эмоциям — знал, когда люди лгут, чувствовал, если кто-то был опечален, и мог заранее предугадать вспышку чьего-то гнева.

Понятия не имею, как ему это удавалось, вряд ли такое качество можно в себе развить. Мне нравилось представлять эту его способность как форму музыкального слуха. Винсент читал людей, как другие люди читают ноты.

* * *

Домой на Королевский Мыс я добралась около шести часов утра. Наше маленькое жилище — старый домик садовника с переплетными рамами, облицованный крашеной в зеленый цвет доской, — стояло среди голых стволов, погрузившись во мрак. Разбросанные кое-где островки снега делали тьму чуть менее интенсивной. В доме было темно, светилось только кухонное окошко. На подъездной дорожке стоял старый, выдавший виды автомобиль Самира, а рядом с ним, чуть наискось, была припаркована полицейская машина — словно водитель торопился и ее занесло.

Я оставила свою немного поодаль, забрала сумку со сменной одеждой и косметичку и побрела ко входной двери.

Самир ждал меня у порога. Он просто стоял там, в темноте — наверное, слышал, как я подъехала, и вышел навстречу. Глаза его потемнели, а лицо искажала гримаса страдания. Я порывисто обняла его, и когда Самир прижал свою мокрую щеку к моей, почувствовала, что все его тело дрожит, и ощутила запах пота.

— Все будет хорошо, — шепнула я.

Он не ответил.

Мы прошли в кухню.

Двое полицейских в форме сидели за столом, перед каждым стояла пустая кофейная чашка. Когда я вошла, они встали и представились, а одну из них я даже узнала — это была высокая женщина лет пятидесяти по имени Гунилла. Этой осенью она посещала школу, в которой я работаю, и проводила с учениками беседу об алкоголе

и наркотиках. Наркотики у нас на Королевском Мысе — серьезная проблема, так что полиция совместно с руководством школы предпринимает меры по ее искоренению.

Мы сели, и меня охватило ощущение, будто все знакомое и надежное вмиг сделалось неизведанным и пугающим. Сколько раз мы с Самиром и детьми сидели за этим потертым столом? Сотни раз, тысячи?

Только в этот все было иначе.

— Что произошло? — спросила я, поймав взгляд Гуниллы. Самир сидел, сгорбившись, возле меня, взглядом упершись в стол. Он ковырял пальцем какую-то щербинку на кромке столешницы и, подцепив там щепку, принялся внимательно ее разглядывать. Он продолжал дрожать, словно от холода, хотя в кухне было уютно и тепло.

— Вчера поздним вечером женщина, гулявшая со своим псом в окрестностях утеса Кунгсклиппан, кое-что заметила, — заговорила Гунилла, положив сцепленные в замок руки на стол.

Она казалась серьезной. Выражение лица было спокойным, но взгляд словно бы не хотел надолго останавливаться на мне.

— И что же?

— Она заметила, как что-то или кто-то падает в море. Она — то есть хозяйка пса — подумала, что это странно, но отправилась домой. Однако дома никак не могла выбросить увиденное из головы, поэтому несколько часов спустя вернулась на то место и поднялась на вершину скалы. Там женщина обнаружила пару сапог, в голенище одного из которых лежала записка. Она достала ее, прочла, поняла, что записка — предсмертная, и позвонила в службу спасения.

— Утес Кунгсклиппан далековат отсюда, — брякнула я, как будто в данной ситуации это имело какое-то значение. На самом деле, идти было не так уж и далеко — пять минут ходу, если поднажать.

Гунилла бросила беглый взгляд на коллегу и вновь заговорила:

— Мы решили сделать обход жителей округа и когда поговорили с... — жестом она указала на Самира, — так вот, вашей дочери не оказалось в своей комнате. Связавшись с ее работодателем, мы выяснили, что вчера вечером она не появлялась на работе.

По позвоночнику пробежал озноб, когда смысл слов Гуниллы — истинный смысл ее слов, скрытый за скрупулезным перечислением фактов, — наконец до меня дошел. В тот же миг я ощутила сильнейшую потребность дистанцироваться от всей этой ситуации. «Она мне не дочь», — хотелось сказать. Она моя падчерица. Что бы там ни случилось, это случилось не с моим ребенком. Мой ребенок мирно спит наверху, и с ним все в порядке.

Он жив.

Гунилла продолжала:

— Самир опознал сапоги Ясмин. Поэтому мы думаем, что она могла попытаться покончить с собой.

Я представила себе утес Кунгсклиппан — одну из самых высоких точек в Стокгольме. Представила темные гранитные склоны, вырастающие прямо из вод Балтийского моря, вспоминая, сколько раз твердила Винсенту, чтобы не смел ходить туда в одиночку. Несмотря на это, однажды я выловила его именно там — он сидел на корточках у самого обрыва и глядел вниз, на воду, словно за гипнотизированный зрелищем разбивающихся о подножие скалы волн.

Мужчина полицейский принял эстафету, и я сразу поняла, что по телефону разговаривала именно с ним.

— В последнее время Ясмин не выглядела подавленной?

— Постойте, — вырвалось у меня. — Почему мы сидим здесь? Разве мы не должны ее искать? Представьте только,

что, если она лежит в ледяной воде? Сейчас же зима! Мы должны что-то сделать!

Я сделала попытку встать с места, но Гунилла тут же положила руку мне на плечо.

— На месте работают оперативники, — сказала она. — Пожарный расчет тоже там. Для поисков предпринимается все возможное.

Я упала обратно на стул и закрыла лицо руками, пытаясь упорядочить мысли и вернуть рассудку ясность.

— Она *выглядела* подавленной? — повторил вопрос полицейский.

Сделав глубокий вдох, я выпрямила спину и подняла на него взгляд.

— Не знаю. Она...

Я старалась подыскать подходящее слово.

— Она держалась от нас на расстоянии, — ответила я. — Плохо ела. Что-то было явно не так, но депрессия ли это? Не могу ответить. Не думаю, что в этом случае она поделилась бы со мной. Мы с ней не настолько близки. Нет, отношения у нас хорошие, просто она ближе к отцу.

— У вас есть какое-нибудь свежее фото Ясмин? — поинтересовался полицейский.

— Должно быть, — отозвалась я, поднимаясь на ноги. Я пошла в гостиную и взяла стопку фотографий, которые были приготовлены для альбома. Трясущимися руками я принялась их перебирать, чтобы достать последнее фото Ясмин. Его сделал школьный фотограф. Она улыбалась в камеру на фоне переливчато-серого экрана, который, кажется, есть у каждого фотографа. Длинные волосы убраны в хвост, раскраска боевая. В ушах поблескивают маленькие золотые сережки в форме дельфинов — подарок ее матери.

Я вернулась в кухню, держа в руках фото.

— Вот, — сказала я, протягивая его детективу.